

© 2003 г.

Р.П. ШПАКОВА

МАКС ВЕБЕР О СТАНОВЛЕНИИ ДЕМОКРАТИИ В РОССИИ

ШПАКОВА Римма Павловна - доктор философских наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета.

Становление основ демократического общественного устройства - новый феномен в политической жизни современной России. Уже осознание его необходимости, пока пусть даже в самом обобщенном виде, является свидетельством трудного, но неуклонного движения нашей страны в направлении построения современного цивилизованного общества с рыночной экономикой. Показательно, что понятие "гражданское общество" объединяет ныне самые разные слои и социальные группы российского социума. Однако четкого представления о нем пока нет, как нет и понимания путей его становления. Все остается на уровне намерений и рекомендаций.

Здесь уместно напомнить, что программа построения в России либерально-демократического политического устройства появилась еще в 1905 году. Она была представлена группой конституционалистов, разделявших позиции "Союза освобождения" и имела форму проекта Конституции России. Основным автором этого проекта был Петр Струве.

Такие важнейшие политические события в России того времени, как первая русская революция, война с Японией и вышеупомянутый проект Конституции России стали основаниями для написания Максом Вебером в 1906 г. двух "русских" статей "К положению буржуазной демократии в России" (февраль 1906 г.) и "Переход России к псевдоконституционализму" (август 1906 г.). Они были опубликованы в редактируемых Вебером, Зомбартом и Яффе первых выпусках журнала "Архив социальной науки и социальной политики". В этот период Вебер активно изучал русский язык и просматривал русскую периодику в богатой русской библиотеке Гейдельберга.

В 1917 году он назовет свои статьи 1906 года "непритязательными хрониками" и тут же признает их пригодность "и сегодня быть ориентиром в партийных течениях России и их реальной подоплеке" [1, S. 104]. Уже эти статьи убеждают в обстоятельном знании им содержания периодических изданий, которые публиковали Ленина и Плеханова и с которыми они сотрудничали. В "русских" статьях 1906 г. есть точные ссылки на материалы газеты Ленина "Новая жизнь". По существу, все его "русские" материалы - это аналитические работы, исследующие процессы, которые тогда происходили в российском обществе и прогнозирующие их общую динамику. Их содержание, к сожалению, пока слабо освещено отечественными историками, социологами и политологами. Не переводились, не публиковались и, по всему судя, не анализировались у нас в России и его статьи, специально посвященные России военного времени и Февральской революции, такие как "Переход России к псевдомократии" (апрель 1917 г.) и "Русская революция и заключение мира" (май 1917 г.).

В глазах Вебера Россия была, по его выражению, "увеличительным стеклом", которое позволяло обнаружить, понять и по возможности ослабить или предотвратить кризисы и социальные взрывы в Германии. Например, немецкое общество сравнительно спокойно отреагировало на свою Ноябрьскую (1918 г.) революцию, которая фактически шла по образцу революции Октября 1917 г. в России. Оно было подготовлено к таким потрясениям проведенной внутри страны широкой идеологической работой, газетной публицистикой, включая замечания Макса Вебера, в том числе относительно России. В стране было широко известно содержание его лекции "Социализм", прочитанной весной 1918 г. в Вене и вскоре опубликованной большим тиражом.

Интерес немецкого общества к России подогревался и тем, что благодаря революционным переменам она могла стать образцом социально-политических преобразований Германии (осо-

бенно после Февральской революции, выступавшей под знаменем демократического переустройства страны). Многие общественно-политические деятели Германии серьезно ставили тогда вопрос о необходимости заимствования опыта развития демократии в России, о чем Макс Вебер хорошо знал, и поэтому слова "учиться у России" в его статьях не случайны. Темой, вокруг которой объединяются все его "русские" материалы и замечания, стало рассмотрение вопроса о том, каков вектор движения России: в сторону "освободительных" реформ и построения демократии, формирующей гражданское общество, или же против них. В том, что воплощение конституционного проекта реформ П. Струве в принципе для России реально, у Вебера не было и тени сомнения.

Большую важность для Вебера представляло то, что Россия - органическая и неотъемлемая часть Европы, "культурного европейского мира". Это страна, так же как и Соединенные Штаты Америки, близка к европейским странам по уровню цивилизации и в историческом плане, хотя и не укладывается в географические границы Европы. В начале века именно в России и в Америке четко обозначилась идея политической и духовной свободы: «Самое важное, что их роднит, - подчеркивал Вебер, - это то, что в определенном смысле они являются источником возникновения спонтанной "культуры свободы"» [2, S. 348].

Культура и свобода - ключевые слова, которые в традициях европейского мира были прямо и косвенно связаны с идеями политической свободы и демократии. Но в Германии, долгое время остававшейся европейской провинцией, то содержание, которое вкладывали немецкие философы в эти понятия, оставалось далеким от всего, что в какой-то мере было связано с политикой. Такова была общая линия и всего немецкого обществоведения, в том числе и немецкой социологии, хорошо заметная в работах ее ведущих теоретиков начала XX века - Зиммеля, Зомбарта, Тенниса. Даже много позже Томас Манн в "Размышлениях аполитичного" принимал свободу только в нравственном ее истолковании, в традициях стойкой аполитичности немецкого бюргерского духа, и это твердое понимание оставалось непоколебимым у значительной части немецких интеллектуалов вплоть до той катастрофы, которую принес Германии и миру фашизм.

Вебер смог перешагнуть узкие границы духовных традиций немецкого бюргерства, твердо осознав себя сторонником демократии, связав гуманистические и культурные ценности с проблемами политики. В период начала первой мировой войны он, однако, представлял как националист и империалист, причем не только в письмах, но и в ходе публичной встречи с Людендорфом [4, S. 200]. В научных трудах Вебер ядовито высмеивает демократию и в то же время в "русских" статьях особо оговаривает свою принадлежность к западному миру и его пониманию демократии. Но противоречия здесь нет. В принципиальном вопросе о своей политической принадлежности и о направлении движения России Вебер занимает четкую позицию не немецкого филистера, а европейца и демократа. В пределах ответа на этот вопрос он им и был.

Однако Вебер понимал и то, что Россия - это страна, история которой имеет свои фазы и темпы, отличные от европейских, что русская история не испытала влияния на образ жизни и миропонимание людей такого мощного фактора, каким было воздействие Реформации и протестантской этики на Западную Европу. У России не было своего Лютера и Эразма Роттердамского, как и не было у нее опыта длительного демократического развития. Более того, в России гораздо более сильным было действие сил, тормозивших ее развитие, в которых Вебер видел реальную угрозу демократическим преобразованиям [4, S. 140].

Как историк экономики Макс Вебер знал и в своих работах показал, что частная собственность и крупные предприятия складывались веками, а возрастающее богатство было вознаграждением за неустанный труд поколений, за их бережливость, за особые коммерческие и организаторские таланты. Наряду с этими процессами в сознании людей органично укреплялось ядро правового сознания - понимание ими возможностей и границ индивидуальной свободы. В США, как и в ведущих западноевропейских странах, прежде всего в Англии и во Франции, капитализм в экономике и политические свободы "становились" вместе, складывались одновременно, способствуя тем самым утверждению основ гражданского общества. Запад долго пестовал человека, чтобы воспитать гражданина, обладающего, говоря словами Вебера, "этикой ответственности" за свои дела и помыслы, четким осознанием своих прав и обязанностей. Гражданин не только знает их, но и умеет их защищать, привлекая на свою сторону государство, в обязанность которому вменена такая защита. Это объединение усилий "сверху" и "снизу" создает благодатную почву для уверенного становления гражданского общества.

В понимании Макса Вебера либеральное общество опирается на принципы демократического устройства, на уважение и соблюдение прав человека и на приоритет закона. При этом государственное руководство и инициатива "снизу" имеют общие задачи. Решая их, обе стороны

движутся в одном направлении. Эти принципы и легли в основу конституционного проекта П. Струве, в котором излагались основные права граждан, фундаментальные основы парламентарной демократии и рыночного хозяйства. При этом капиталистически организованная экономика выступала как необходимое условие такого конституционно-демократического устройства. Вебер, детально знакомый с этим проектом, называет содержащиеся в нем идеи реформ "принципиальными" [2, S. 245], "специфически гражданскими" и "освободительными" [2, S. 251].

Вместе с тем без скидок на "русскую специфику" Вебер в статьях 1906 года указал и на слабости данного проекта. Это недооценка реформаторами роли государства как организатора жизни общества и отсутствие критериев эффективного разделения исполнительной и законодательной ветвей власти. Просчет такого рода чреват не только вероятностью ликвидации устоев такого общества, но и открывает дорогу к сосредоточению государственной власти в руках одного лица, например, того же царя или группы приближенных к нему лиц. Защита личностной свободы и частной собственности становится тогда проблематичной. Далее Вебер скептически рассматривает идею Струве о взаимовлиянии политических и аграрных реформ в России. Едва ли можно уповать, как это делает Струве, на то, что русский крестьянин, привыкнув к пониманию своих "прав человека" в духе английского индивидуализма и французского просветительства, станет свободной "личностью".

Сам Вебер был убежден, что демократия в современном цивилизованном обществе должна быть социальной, социально ориентированной, говоря современным языком, то есть включать аспекты социальной справедливости, такие, как, например, справедливая оплата труда, защита человеческого достоинства, элементарных прав личности и т.д. Все это он прямо и косвенно доказывал своей защитой бастующих немецких рабочих. Поддержку социально ориентированной демократии, по Веберу, должно оказывать государство, которому принадлежит "монополия легитимного насилия". Узкое истолкование этой мысли - как только принуждения и давления ведет к ее искажению. Уже выступление Вебера в дебатах Первого немецкого социологического конгресса (1910 г.) содержит бесспорную идею о том, что именно государство должно силой защищать справедливую гражданскую позицию частного человека, оно же должно нести ответственность за свершение "неправедного" дела. Чтобы обеспечить соблюдение и защиту прав человека, нередко приходится применять насилие.

Принципиальная позиция Вебера состояла в том, что государство должно защищать своего гражданина, а не "дозировать" меру защиты его прав в зависимости от принадлежности к определенному сословию в сословной иерархии. Против такого "дозирования", закрепленного решением Русской Думы, Вебер остро выступил в газетной статье "Прусское избирательное право", опубликованной во "Frankfurter Zeitung" 29 февраля 1917 года, то есть сразу после февральской революции в России. В ней он настоятельно предостерегал от повторения в Пруссии ошибок русских парламентариев - "думцев", которые так и не смогли увидеть в недавнем подданном гражданина [1, S. 99]. Все это уже изначально ставило под вопрос возможность построения в России гражданского общества.

Вебер писал в этой статье: "Современное государство по своему назначению должно создать условия, при которых человек рассматривается не как обладатель возможностей, положения, титула, орденов, диплома об образовании, а просто как гражданин (Staatsbürger)" [1, S. 99]. К избирательной урне, подчеркивал он, должен идти гражданин, а не представитель сословия. Не Россия с ее "резко классовым избирательным правом" [1, S. 105], а Англия с всеобщим и равным правом является здесь образцом. И позже, в своих предложениях по реформе конституции Рейха (май 1917 г.) Вебер отстаивал право народных представителей, просто граждан и их объединений, принимать участие в обсуждении проблем государственной жизни и влиять на решения властей. В теоретическом плане это был разрыв Вебера с прочной традицией немецкого обществоведения, в котором доминировала старая дихотомия: государство - общество. Часть своих полномочий государство как носитель власти должно передать обществу, иначе его демократическое преобразование невозможно, как и преобразование общества в целом.

Тема демократии в России занимала Макса Вебера еще и потому, что он, как мало кто в Германии, знал и понимал русскую культуру и относился с глубоким пиететом к русскому народу. С искренней симпатией и глубоким участием он разделял стремление русских реформаторов претворить в жизнь принципы демократического общества. Рефреном звучит мысль, которую он выражает с первой статьи 1906 г. по русской тематике и вплоть до статей военного и революционного 1917 года, когда Германия и Россия выступали политическими и военными противниками: "Несмотря на все национальные различия между русскими и нами, включая, возможно, и различия национальных интересов, мы смотрим с глубоким сочувствием на русскую освободительную борьбу и носителей свободы в России" [2, S. 349]. Каждая из статей Вебера о России

1917 года содержит выражение такой симпатии, что никогда не затмевает четкости его анализа политической ситуации. В его статьях "по русскому вопросу" есть точный и обстоятельный анализ партийных программ и интересов различных общественных групп и слоев и указаны те факторы, которые дают основания судить о начавшемся процессе самоорганизации российского общества, ускорении его политического и социального созревания. В первую очередь это земское самоуправление и аграрная реформа Столыпина.

Российское земство, по его убеждению, представляет собой успешно работающий и подлинно демократический орган самоуправления. Оно открыто в своей структуре, динамично в развитии и имеет огромные перспективы, потому что опирается на широкие слои населения. Земство не только действует в интересах провинциального населения страны, но и развивает его инициативу. Это работа ветеринарных служб, строительных и дорожных организаций, школ и иных просветительных учреждений, органов опеки и призрения и т.п. Земские комитеты и комиссии - воплощение востребованной инициативы "снизу". Практика их работы дает Веберу яркий пример того, что у России есть мощный внутренний потенциал плодотворных демократических преобразований для становления в стране гражданского общества.

Эти общие соображения Макс Вебер впервые представил в статьях 1906 года. Он был хорошо знаком с тем анализом гражданского общества, который провел А. Де Токвиль на примере Североамериканских Штатов. Там практический смысл гражданского общества очевиден: люди безвозмездно участвуют в работе многочисленных гражданских ассоциаций; они сами вносят средства на проведение конкретных общих дел. Эти черты отличали во многом и работу русских земств, которые осуществляли свою деятельность без помощи, а нередко при противодействии со стороны государственной власти. Более глубокий анализ тенденций развития земства Вебер проводит в последующих статьях, в частности, датируемых началом 1917 года. В статье «Переход России к псевдоконституционализму» он отмечает подрывную роль "третьего элемента", разлагающего изнутри работу земства. Это "твердо, но плохо оплачиваемые служащие... земств. Среди них находится "интеллигенция"». В ходе революции 1905-1907 гг. они находились в резком противостоянии по отношению к центральной власти и "были на селе носителями социал-революционной пропаганды" [1, S. 103]. Реформы Столыпина, считает Вебер, еще больше усилят внутреннее размежевание земства и крестьянства и подтолкнут "третий элемент" и без того противодействующий честному слою в земстве, как правило происходящему из среды крупных землевладельцев, к революции. Единственная сложность, тормозящая его активность - деньги, точнее, их отсутствие (там же).

К социал-революционерам марксистской чеканки Вебер обращает чисто теоретический вопрос. В лекции "Социализм" он указывает на философскую непоследовательность в понимании ими сути социалистического общества и его исторического места. Так, в соответствии с учением Маркса, говорит Вебер, "общество и его экономический порядок развиваются в строгом соответствии с естественной закономерностью, и социалистическое общество никогда и нигде не сможет возникнуть, прежде чем капиталистическое общество полностью не созреет и не придет к естественному концу. Но этого даже по признанию самих социалистов еще нигде не произошло, ибо еще сохраняются мелкое крестьянство и ремесленники. Как же тогда относятся социалисты к своей фундаментальной эволюционистской догме? И тогда оказывается, что они, по крайней мере, за пределами России, стоят на этой почве, то есть все, даже наиболее радикальные, считают единственно возможным следствием революции возникновение *гражданского* [курсив Вебера, - Р.Ш.], а не общественного устройства пролетарского образца, потому что для него время еще нигде не пришло" [1, S. 324]. И только когда гражданское общество исчерпает себя на капиталистической экономической базе и приблизится к своей конечной стадии, "должен будет когда-нибудь последовать переход к будущему социалистическому устройству. По совести, так должен будет ответить каждый честный интеллеktуал-социалист" [1, S. 324]. И даже если революция в России обернется гражданской войной, то, следуя букве марксизма, ее естественным итогом должна стать власть крестьян и мелкой буржуазии - радикальнейших противников *любого* [курсив М. Вебера. - Р.Ш.] социализма" (там же). Однако русские революционные социалисты намерены установить диктатуру пролетариата даже вопреки марксистскому учению. Для России они - реальная социальная опасность. Это убеждение Вебер неукоснительно отстаивал. Даже в своем фундаментальном, сугубо теоретическом труде "Хозяйство и общество", где отступлений по насущным социально-политическим проблемам почти не встречается, он вновь обратился к феномену русских социалистов. Их идеология, как показывает он, превратилась в религиозную эсхатологию и застывшее вероучение [5, S. 313], а их действия чреваты не только "обобществлением собственности", но и лишением граждан политических и социальных свобод. Агрессивная пропаганда русскими революционными социалистами их докт-

рин в рядах слабого рабочего класса, в армии и на селе имеет успех, и это серьезный симптом поражения трудно формирующейся демократии и либеральных реформ.

Важный шаг в прогрессивном развитии русского общества сделали реформы Столыпина. Их значение Вебер неоднократно подчеркивал, особо выделяя земельную реформу на селе. Так, в статье "Внешняя политика Бисмарка и современность" (1915 г.) он назвал ее "по смыслу западноевропейской аграрной реформой" [1, S. 36]. Позже, в 1917 г., он так оценивал ее последствия: "Именно аграрная реформа Столыпина была тем умным шахматным ходом, который расколол одну из социально-революционных ключевых групп, а именно - крестьян старорусских областей, на две большие, неравные, но неотвратно и глубоко враждебные части. С одной стороны, это экономически сильнейшие элементы крестьянства, новая собственность которых тесно связала их с существующим режимом, с другой - оставшиеся в "деревенском коммунизме" пролетаризирующиеся крестьянские массы, которые воспринимают аренду этой частной собственности как вопиющую несправедливость в пользу других" [1, S. 302]. Судьба крестьянства в огромной аграрной стране, по мнению Макса Вебера, в высшей степени значима для успеха в проведении демократических преобразований. Поэтому он в своих "русских" статьях так много внимания уделяет крестьянству и формированию демократической позиции у тех его групп, которые пока находятся на фронтах войны и скоро должны вернуться назад.

Этот подход Вебера был и остается существенным шагом вперед по сравнению с устоявшимися в России подходами, продолжающими доминировать и сегодня. Их суть - игнорирование роли и политико-экономических устремлений крестьянства и его групп. Политические партии России начала XX века, даже самые либеральные, такие как кадеты, неуверенно маялись в определении кардинальных задач по преобразованию деревни или предлагали давно устаревшие меры. Все они избегали касаться корня сельской жизни - крестьянской общины, тем более ставить вопрос о ее реорганизации или даже роспуске. Для всех партий село имело значение лишь как пропагандистское поле, на котором крестьяне были не более чем объектом пропаганды. Вместе с тем каждая из партий предпочитала отодвинуть обсуждение аграрного вопроса на периферию своих программ или вообще не замечать их. "Идиотизм сельской жизни" - это марксистское выражение отношения к селянам в то время фактически молчаливо разделялось всеми политиками и политическими партиями огромной страны.

Позиция самого Вебера ясна и последовательна. Он опирается на идею свободы хозяйствования на земле и права собственности на землю. Гражданское общество подразумевает юридическое равенство хозяйствующих субъектов, и движение России в этом направлении может начаться только с решения земельного вопроса. Вместе с тем идея частной собственности на землю - азбука экономических отношений в странах Западной Европы. Своему немецкому читателю, к которому и были обращены эти "русские" статьи, Вебер подробно объясняет специфику и идейно-экономическую роль общины в формировании интересов и идеологии крестьянства России. Такое объяснение необходимо, потому что крестьянство Западной Европы вообще и Германии в частности, развивалось иначе. Существенное отличие состоит в том, - заявляет Вебер в своей речи "Социализм", - что русский крестьянин "живет внутри своего аграрного коммунизма", создаваемого и воспроизводимого уже исторически устаревшей общиной. Собственность на землю для русского крестьянина - ключевая проблема бытия. В России, объясняет он, "решающим является вопрос о земле, который у нас уже не играет роли. Немецкий крестьянин, по крайней мере, сегодня, является индивидуалистом и привязан к собственности, передающейся по наследству, и к своей земле. И от всего этого его едва ли можно оторвать. Он скорее свяжется с крупным землевладельцем, чем с радикальным рабочим-социалистом, когда почувствует угрозу" [1, S. 325]. Ведь именно от социалистов исходит такая угроза отторжения собственности.

Вебер считал вполне своевременным проведение земельной реформы в России, в которой пятая часть крестьян уже имела собственный надел и прочное хозяйство. Это был наглядный пример уже идущих подспудно процессов, разрушающих общину. И здесь позиция М. Вебера полностью созвучна с позицией русского реформатора С. Витте, который четко выразил исторически преходящий характер общины: "Общинное владение есть стадия только известного момента в жизни народов, с развитием культуры и государственности оно неизбежно должно переходить в индивидуализм - в индивидуальную собственность. Если же этот процесс задерживается, и в особенности искусственно, как это было у нас, то народ и государство хиреют. Теперешняя жизнь народов вся основана на индивидуализме" [3, с. 440].

Макс Вебер настаивает на том, что в России движение к демократическому переустройству без содействия ему невозможно. В то время в России имелось немало сторонников такой позиции, считавших, что продвижение России к демократии может произойти "само по себе". Она

сформировалась в начале первой мировой войны и исходила, как ни странно, от "вождей кадетов...", которые совершенно неожиданно перекинулись в лагерь поджигателей войны. Они считывали продолжением войны укрепить финансовое положение буржуазии. Политически либеральное развитие России, полагали представители кадетской партии в частных беседах начала войны, "пойдет целиком само по себе". *Как же* это должно было бы произойти, *если* [курсив М. Вебера. - Р.Ш.] благодаря победе над нами самодержавие и бюрократия вышли бы из войны с высочайшим престижем - все это оставалось в тумане. Это было бы возможным только в результате тяжелейшего поражения, которого эти русские империалисты вообще не ожидали" [1, S. 105]. То поражение, о котором как о благе для России в ее поступательном движении к демократии говорил Вебер, она не потерпела. Его потерпела Германия. Поражение действительно обернулось благом для нее, "страны нетренированных умов", как называл ее Т. Манн, имея в виду отсутствие навыков жизни в условиях демократии. Сколь бы странным ни казалось политическое устройство Веймарской республики, "республики без республиканцев", она дала опыт, научение, и стала школой, в которой на самых низких ступенях проходило приобщение к началам демократии. У России, в той же степени "стране нетренированных умов", такого опыта не было.

Демократически-федеративное государство - такой в будущем представляется Веберу Россия в плане ее политической реорганизации [1, S. 129]. В этом преобразовании он отводит ведущую роль политическим группам и детально рассматривает их способность повести страну в таком направлении. Во Временном правительстве таких реформаторов, как Витте и Столыпин, которые были в прежнем, царском правительстве, уже нет. Вебер показывает, что Февральская революция является лишь "надувательством", сменой вывески [1, S. 129], а ее официальные руководители, образовавшие Временное правительство, представляют старые правящие группы - в основном помещиков и консервативное дворянство. Они не имеют вкуса к принципиальным реформам и не способны их провести. Здесь Вебер коренным образом разошелся с суждениями о том, что Февральская революция была буржуазно-демократической. Отметим, что подобная оценка до сих пор бытует среди российских обществоведов. Результат этой «новоиспеченной русской "демократии"» ничтожен - делает вывод Вебер [1, S. 94]. Поэтому Германия нечему учиться у России - неоднократно повторяет он.

"Высшая русская бюрократия, подобно офицерскому корпусу, рекрутируется, в конце концов, как и везде, в значительной степени из состоятельных слоев" [1, S. 104]. Из них формируется парламент - Дума, способности которой к пониманию, определению и решению острейших проблем развития общества Вебер оценивает весьма низко. Вошедшие в ее состав лидирующие группы имеют свои узкие интересы и в преобразовании страны заинтересованы лишь в той мере, в какой оно будет способно удовлетворить их интересы. Да и сами эти интересы, как показывает Вебер, направлены вовне, за пределы страны и носят националистический, более того, империалистический характер. Они успешно «заменяют теперь мечтания о "правах человека"» [1, S. 104]. Как и правящие круги, так и интеллигенция России страстно берется за решение зарубежных проблем, не желая решать, а порой и замечать острейших проблем в собственном доме. Только П. Струве, "несправедливо охаянный", по выражению М. Вебера, и его ближайшие сподвижники твердо стояли на позициях демократического переустройства страны. Но они слишком слабы, и потому тема построения в России гражданского общества снимается. В статье "Русская революция и заключение мира" (апрель 1917 г.) М. Вебер саркастически замечает: "Есть один критерий действительной внутренней честности демократических, а не империалистических намерений. Он таков: ограничивается ли политик желанием подмести пол перед собственной дверью, намерен он внутри своей страны строить демократию, или нет" [1, S. 131].

Пока же Вебер видит в России на тот момент много внутренних проблем, но мало желания их замечать и тем более решать. "Сомневаться в великом будущем русской нации не может никто из тех, кто изучал ее особенности. Но сейчас она идет не в том направлении" - таков вывод Макса Вебера, заставляющий о многом задуматься нас и сегодня, в начале XXI века.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Weber M. Zur Politik im Weltkrieg. Schriften und Reden 1914-1918.* Tubingen, 1988.
2. *Archiv fur Sozialwissenschaft und Sozialpolitik.* 1906. Bd. XXII.
3. *Bumme СЮ.* Воспоминания. Царствование Николая II. Т. I. Берлин, 1922.
4. *Weber M. Wirtschaft und Gesellschaft.* Tubingen, 1972.
5. Макс Вебер, прочитанный сегодня / Под ред. Р.П. Шпаковой. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1997.